

УДК 327.8 (55)

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИРАНА: СОВРЕМЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВА

А.В. Неронова

Рассмотрены внешнеполитическая стратегия Ирана, ее современное состояние и возможная перспектива.

Ключевые слова: Иран; внешняя политика Ирана; ядерная программа; Исламская революция; ирано-китайские взаимоотношения; ирано-российское сотрудничество.

IRAN'S FOREIGN POLICY: THE PRESENT AND FUTURE

A. V. Neronova

The article deals with the foreign policy of Iran, its current state and possible prospect.

Key words: Iran; foreign policy of Iran; nuclear program; the Islamic revolution; Iran-Chinese relations; Iran-Russian cooperation.

Исламская Республика Иран в течение достаточно длительного времени привлекает пристальное внимание аналитиков и специалистов к своей внутренней и, являющейся ее следствием, внешней политике, оказывающей определенное, а порою и заметное влияние на современные процессы регионального и глобального масштаба.

Отправной точкой, на наш взгляд, в осмыслении роли Ирана в них является революция 1979 г., кардинальным образом трансформировавшая его образ в глазах мирового мнения, представленного на современном этапе, в самом общем плане, резкой поляризацией, на одном из полюсов которого находится однозначное осуждение современного Тегерана, как средневековой тирании, а на другом – поддержка его в качестве мирового форпоста антиимпериализма, представленного, главным образом, США. Данный конфронтационный подход отражает причины, по которым Иран, а вернее иранская внешняя политика, рассматривается через призму его конфликтности в регионе Ближнего и Среднего Востока. При этом нельзя не подчеркнуть объективно стабилизирующую роль здесь Ирана, основанную на его заинтересованности в обеспечении мира в регионе.

Другой, достаточно самостоятельной причиной, по которой внешнеполитическая деятельность Ирана находится в плоскости текущих интересов исследователей, заключается в общекризисности

ситуации в регионе и в том, что одним из числа претендующих в нем на гегемонию государств выступает и Иран. Концептуальная задача превращения Ирана в доминирующее в регионе Ближнего и Среднего Востока государство нашла свое отражение во внешнеполитической стратегии современного Ирана и рассматривается в ней через призму реализации ИРИ своей исторической миссии. Данная задача является приоритетной, хотя и претерпела определенные метаморфозы со времени своего провозглашения под влиянием внутренних и внешних факторов в части методов и средств, используемых для ее достижения [1].

Главой нового Ирана, впервые в регионе Ближнего и Среднего Востока, стал возглавивший революцию аятолла Рухолла Мусави Хомейни (имам Хомейни), мусульманский священнослужитель. Внешняя политика Ирана, под его руководством, была нацелена на достижение ИРИ лидерства в мусульманском мире, с опорой на консолидированные ресурсы которого он планировал занять исключительную позицию, выступая, по существу, единственным представителем мусульманских стран на мировой арене, став, тем самым, одной из наиболее влиятельных и развитых держав мира. Аятолла Хомейни признавал сложившуюся на тот момент систему международных отношений несправедливой и четко подразделял мир на две его части, одну из которых составляли “благоденствующи-

щие” (мостакберин), а другую – “обездоленные и угнетенные” (мостазафин). К числу первых, им относились как возглавляемые США страны Запада, так и возглавляемый СССР блок социалистических стран, а ко вторым – “страны третьего мира, угнетаемые мировым империализмом” [2]. Данный подход стал той основой, базируясь на которой Хомейни заложил основные принципы иранской внешней политики: экспансия “исламской революции” и “ни Восток, ни Запад – только ислам”, получившие законодательное отражение в Конституции Ирана (1979 г.). Внешняя политика антизападной и одновременно антисоветской направленности, угроза экспорта исламской революции обусловили международную изоляцию страны, вызвавшей, в свою очередь, негативные для нее явления политического и экономического характера.

Концептуально внешнеполитическая стратегия Ирана за прошедшие три с половиной десятилетия, на наш взгляд, не претерпела кардинальных трансформаций, хотя и несколько видоизменилась под воздействием как внешних, так и внутренних, в первую очередь, факторов развития общества и государства.

Кардинальные изменения во внешнеполитических подходах могут быть лишь следствием кардинальных трансформаций внутриполитической системы ИРИ. По мнению отдельных экспертов, такие изменения потенциально возможны. Так, Рачья Арзуманян указывает на заявление аятолы Хаманеи, высшего духовного лидера страны, о том, что в Иране возможен переход от президентской к парламентской форме государственного управления. Оценивая политическую систему современного Ирана, как весьма сбалансированную и дееспособную, а также учитывая высокий уровень адаптабельности иранской элиты в вопросах тактического характера при жесткой преемственности в стратегических подходах, он полагает, однако, маловероятным скорую, а тем более революционную, трансформацию иранской политической системы [3]. Следовательно, не приходится рассчитывать в обозримой перспективе на фундаментальные изменения во внешней политике Ирана.

Баланс сил в формате существующего государственного устройства Ирана теоретически может быть изменен в результате такого естественного процесса, как смена поколений. Ядро религиозного руководства permanently покидают прямые участники исламской революции, обладающие высоким личным авторитетом, обусловившим признание их в качестве важнейшей компоненты системы государственной власти. Основанный на личной харизме и власти религиозного руководства, духовный

полнос оказывается подвержен неизбежным метаморфозам и ослаблению, которые происходят на фоне заметной трансформации государственного полуса силы, имеющей также естественный характер. Последний непосредственно реализует масштабные задачи иранской ядерной и космической программы демонстрируя как силу иранского государства, так и потенциал его аппарата [3].

А.М. Варганян отмечает прогнозируемость и стабильность внутриполитического развития ИРИ. При условии отсутствия прямого внешнего вмешательства Иран в обозримом будущем не будет, по его мнению, осуществлять какие-либо кардинальные трансформации в сложившейся системе власти, которая, однако, постоянно эволюционирует в формате установленных правил [4].

Таким образом, с учетом специфики иранского общества, главной чертой которого выступает высокая степень его религиозности, что гарантирует духовному руководству страны очевидное доминирование во внутриполитической жизни, от участия в которой оно отказываться не собирается, полагаем уместным отметить максимальную вероятность того, что существующая политическая система современного Ирана сохранит свой формат в достаточно отдаленной перспективе, что, в свою очередь, не дает оснований для прогноза резких трансформаций иранской внешнеполитической стратегии.

Во внешней политике ИРИ находят, безусловно, непосредственное отражение происходящие в мире политические метаморфозы. При этом, как отмечает А.А. Князев, “запасы энергетических ресурсов и географическое положение делают Иран одним из главных объектов современных геэкономических войн, но перманентно происходящее усиление позиций ИРИ в мире ислама превращает ее в один из субъектных центров мировой и региональной геополитики. Соответственно, Иран одновременно использует и геополитический, и геэкономический инструментарий, чтобы ответить на вызовы конкурентов” [5]. Нестабильная внутриполитическая ситуация у непосредственных соседей Ирана – Ирака и Афганистана, а также тлеющий вокруг Нагорного Карабаха армяно-азербайджанский конфликт, вызывают у иранского руководства необходимость учета в своей внешней политике одновременно трех уровней национальной безопасности – внутренней, региональной и глобальной.

Высшее иранское руководство осознает бесперспективность прямой военной конфронтации с США и его союзниками из числа арабских монархий и Израиля.

Наряду с этим, в бытность М. Ахмадинежада президентом ИРИ, руководство страны сформулировало и приступило к реализации внешнеполитической стратегии, ориентированной на формирование так называемого “международного общественного антизападного фронта” [6], в рамках которого было предусмотрено установление доверительных партнерских отношений со странами региона, пережившими в результате “арабской весны” трансформацию правящих в них политических режимов, а также с Ираком, Пакистаном и Афганистаном; активизация деятельности Ирана в формате Движения неприсоединения с достижением здесь лидирующих позиций; формирование Движения исламского пробуждения в странах мусульманского мира, одной из задач которого является противодействие салафизму, чья идеология поддерживается открытыми оппонентами Ирана в регионе – Саудовской Аравией и Катаром; поддержка общин шиитов в Азербайджане (в целях противодействия прозападной ориентации правящего режима) и т. д.

Внутренняя демократичность иранской политической системы создает некоторую конфликтность в отношениях Верховного лидера с политическими элитами в контексте внешнеполитических подходов. Как отметил аятолла Месбах Язди, духовный наставник и учитель бывшего президента Ирана М. Ахмадинежада, ни один из иранских президентов не был внутренне убежден “в непререкаемом авторитете Верховного лидера” [7]. Такая ситуация на текущий момент заметно отягощена новыми вызовами и угрозами для ИРИ, главным образом, по нашему мнению, связанными со сменой поколений. Вступающее в полноценную жизнь молодое поколение иранцев имеет несколько иное представление, чем предыдущие поколения, пережившие революцию и изнурительную ирано-иракскую войну, о той жизни, какая должна быть в государстве и обществе в условиях современного мира, что накладывается на присутствующие в иранском обществе диспропорции и противоречия в социальной и экономической сферах.

Предпосылками позитивных перспектив Ирана в экономическом развитии и повышении его регионального статуса выступают значительные запасы углеводородного сырья и других природных ресурсов, которыми он располагает, экономический потенциал и доступность к стратегическим транспортным коммуникациям. Внешнеполитический же контекст вокруг современного Ирана формируется отнюдь не Ираном, а мировым сообществом, главным образом, западным миром во главе с США.

В этих условиях необходимость выбора внешнеполитических партнеров стала перед правящими

кругами Ирана как никогда прежде остро. Одна их часть, представленная консерваторами и “проправительственными” деятелями, рассматривает таковыми Россию и Китай, поскольку к некоторой общности присущих им во внешнеполитической деятельности приоритетам добавляется значительная часть общих для них и Ирана угроз и вызовов современности. Реформаторы ориентируются же на Запад, рассматривая возможность восстановления с ним отношений в формате заключения соответствующего пакета соглашений.

Исследователи оценивают современную ситуацию, связанную с определением дальнейшей ориентации Ирана на внешнеполитической арене, как наиболее острую за всю новейшую историю страны. Перед руководством Ирана возникла необходимость неотложного выбора, самого принципиального значения, дальнейшего поведения ИРИ в международном формате, поиска новых подходов к отношениям во внешнем мире [7].

При этом Иран по-прежнему сохраняет влияние на происходящие в регионе Ближнего и Среднего Востока события и формирующиеся в региональной политике тенденции, которое, однако, имеют двойственный характер. Дуализм такого влияния проявляется, с одной стороны, в высокой динамичности внешнеполитической деятельности Ирана в регионе при том, что, с другой – ее результативность остается относительно невысокой [8].

Такой угрозой может стать, к примеру, дальнейшее ухудшение социально-экономического положения Ирана под воздействием санкций со стороны США и Евросоюза в случае неурегулирования ситуации вокруг его ядерной программы. В результате этого возможна резкая радикализация религиозной составляющей иранской внутривнутриполитической жизни и консолидация противоборствующих политических группировок в религиозно-политической элите страны вокруг Духовного лидера, что приведет к концентрации в его руках всех сил и ресурсов ИРИ [9, с. 52].

На глобальном и региональном уровнях Иран занимает сегодня крайне антогонистическую позицию по отношению к Израилю, что является исключительной чертой его внешней политики.

Не имеется достаточных оснований к тому, чтобы в ближайшей перспективе произошла какая-либо трансформация современной иранской позиции по палестинско-израильской проблеме. Исследователи придерживаются той точки зрения, что Иран будет поддерживать в регионе Ближнего и Среднего Востока любого субъекта, чья политика имеет антиизраильскую ориентацию, а также противодействовать любым попыткам урегулирования

данной проблемы, если они в любой мере учитывают интересы Израиля [10].

В этой связи наибольшую озабоченность у США и Израиля вызывает ядерная программа ИРИ, в рамках которой, по оценкам американских экспертов, Иран способен в ближайшие годы стать обладателем ядерного оружия [11]. Определенные надежды на урегулирование данной проблемы эксперты возлагают на новый внешнеполитический курс Ирана, провозглашенный избранным в 2013 г. Президентом ИРИ Хасаном Роухани. Как следует из его заявления, сделанного вскоре после выборов, такой курс основан на прагматичном и сдержанном подходе, ориентированном на налаживание отношений с окружающим Иран миром, в рамках которого предполагается понизить уровень напряженности в отношениях с Соединенными Штатами в контексте ядерной программы ИРИ [12].

Внешнеполитическая ориентация Ирана на сотрудничество с Россией обозначилась с момента распада СССР, в результате которого иранское руководство перестало рассматривать Россию в качестве потенциального агрессора и идеологического противника. Более того, она стала рассматриваться как потенциальный стратегический союзник, обладающий ядерным потенциалом и имеющий высокий международный статус постоянного члена Совета Безопасности ООН, с вытекающими из него возможностями глобального влияния. При отсутствии сухопутной границы, Иран и Россия являются соседями по Каспию, с общими интересами в регионе Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и в Афганистане, со схожими, во многом, угрозами и вызовами для них извне.

Получившие после исламской революции 1979 г. импульс ирано-китайские взаимоотношения приняли практически завершенный институциональный формат. В его основание легли схожие, по своей сути, внешнеполитические ориентиры обеих стран.

Ориентация Ирана в своей внешнеполитической стратегии на Россию и Китай, как на потенциальных стратегических партнеров в регионе и на глобальном уровне, наряду с прочим, объективно обусловлена концепцией и практикой реализации внешнеполитических стратегий РФ и КНР, основанных на формате классической парадигмы, включающей прямое вмешательство во внутренние дела другого государства, в данном случае – Ирана, и вовлекающей его в тесное партнерство посредством взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах двусторонних отношений. Данный подход нашел свое практическое отражение в действиях России и Китая последних десятилетий на мировой арене и в отношениях с партнерами, что

отличает их от США, которые на деле реализуют свою внешнеполитическую стратегию в формате неклассической парадигмы, повсеместно предпринимая попытки свержения неугодных правительств и непосредственно вмешиваясь во внутренние дела иностранных государств.

Литература

1. Региональная политика Исламской республики Иран 22.04.2013 <http://www.csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/484-iran-yesterday-today-and-tomorrow/1-stati/4203-regionalnaya-politika-islamskoj-respublikiki-iran#>
2. *Лукоянов А.К.* Исламская революция. Иран – опыт первый 1979–2009 / А.К. Лукоянов. М., 2010.
3. *Рачья Арзуманян.* Тенденции внутривосточной жизни Ирана <http://commonsense.eu/rus/blogs/15/author10/id61>
4. *Вартамян А.М.* Особенности внутривосточного развития Ирана. <http://iimes.ru/rus/stat/2007/12-09-07a.htm>
5. *Князев А.* Региональная стратегия Ирана в Центральной Азии – эволюция и приоритеты 11.07.2011. <http://www.csef.ru/index.php/ru/politica-i-geopolitica/project/484-iran-yesterday-today-and-tomorrow/1-stati/1663-irans-regional-strategy-in-central-asia-the-evolution-and-priorities>
6. *Панкратенко И.* Исламская Республика Иран – империя и сеть 26.06.2012, http://conjuncture.ru/pankratenko_26-06-2012_iran_geostrategy/
7. *Панкратенко И.* Президентские выборы в Иране: Борьба элит вокруг внешнеполитического курса. 26.04.2013. http://www.iran.ru/news/analytics/87363/Prezidentskie_vybory_v_Irane_Borba_elit_vokrug_vneshnepoliticheskogo_kursa
8. *Салиев А.Л.* Восточный вектор внешней политики Кыргызстана: Азиатско-Тихоокеанский регион и Ближний Восток, 2011/ <http://uchebnik-besplatno.com/uchebnik-mejdunarodnie-otnosheniya/osnovnyie-napravleniya-vneshney-politiki20244.html>
9. Россия и большой Ближний Восток / [В.В. Наумкин (рук.) и др.]; [гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013.
10. Основные направления внешней политики Ирана. Часть I. Эркимбаев Д., 13.11.2009, Аналитика. Иран/ <http://www.easttime.ru/analitic/2/11/734.html>
11. *Бурханов Азиз.* Ближний Восток во внешней политике США. “Арабская весна” и ее последствия для американской политики в регионе, 24.08.2012/<http://iwep.kz/index.php?newsid=650>
12. *Тагизаде Т., Сивицкий Арсений.* США и Россия разыграли “сирийский гамбит”... 07.10.2013 <http://minval.az/news/22122>